

Теоретическая Классификация Понятия «Рай» И Его Интерпретация В Газелях Хафиза Ширази

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

Узбекско- Финский педагогический институт

кафедра русского языка и литературы, Самарканд

ABSTRACT

В статье рассматривается теоретическая классификация компонентов поэзии Хафиза Ширази, в т.ч. применительно к систематизации категории Рая. Изображение Рая в газелях крайне затруднено из-за завуалированности и многозначности слов и понятий. В некоторых газелях Рай для человека есть идеальная эстетическая инстанция. Для полного определения категории Рая в восточной лирике автор обращается к антиномиям.

The article discusses the theoretical classification of the components of Hafiz Shirazi's poetry, incl. in relation to the systematization of the category of Paradise. The depiction of Paradise in ghazals is extremely difficult due to the veil and polysemy of words and concepts. In some ghazals, Paradise for Man, there is an ideal aesthetic authority. To fully define the category of Paradise in Eastern poetry, the author turns to antinomies.

ARTICLE INFO

Received: 20th July 2024

Accepted: 14th August 2024

KEY WORDS:

В философских концепциях, часто в художественной литературе, термин «рай» используется не в прямом смысле, не как место вечной жизни. Этот вопрос также раскрыт в словаре «Маънавият», где имеется подобная характеристика понятию «рай»: «Ибтидоий дин шаклларида, уруғ-қабида динларида жаннат ҳақида чуқур мазмунга эга бўлган тасаввурлар шаклланмаган эди» [1; С. 76]. Первобытные люди, говорят далее авторы, еще не имея достаточно ясного представления о категории Рае и Ада, уже считали, что потусторонний мир имеет больше превосходства, нежели нынешний мир, который полон заботами и тяготами земной жизни. Авторы данного словаря дают характеристику категории Рая как исторически возникшему понятию, прошедшему долгий процесс развития, чего об Аде не говорится. Это определено тем, что во все века своего существования на земле человечество боролось за жизнь, тем самым отмечая свое непрерывное пребывание в сложных условиях (которые нетрудно, в определенной степени, спроецировать с Адом), тогда как Рай был для него надуманным идеалом, но не повседневным природным бытием. «Диний ақидаларга кўра, диний талаб ва эътиқодларни тўлиқ адо этган, маросим ва урф-одатларни бекаму кўст бажо келтирган, ёмонликка, ҳиёнатга кўл урмайдиган, Худони қалби ва юрагида саклайдиган кишиларгина жаннатга тушиши мумкин». Важно отметить, что теоретическая классификация компонентов поэзии Хафиза Ширази, в т.ч. применительно к систематизации категории Рая, крайне затруднена из-за завуалированности и многозначности слов и понятий.

Рай для человека есть идеальная эстетическая инстанция, он успокаивает, но не может воспитывать так, как ад, потому что первый физически не столь чувствителен для человека как второй. «Бидех, соқи, майи боқи, ки дар жаннат наҳоҳи ёфт Канори оби Рукнободу гулгашти Мусаллоро»

В нашем художественном переводе это звучит так:

“О смиренный, не найти в садах жанната цветов Мусаллы,
Хоть нежность вечности ты дай, но нет Рукнабада берегов”
«Путь к раю подобен чаще, и мало на нем полян» .

То, что мусульманский жаннат – сердарахт боғ, объясняется, в т. ч., и пустынно-песчаным рельефом многих мусульманских стран.

“И гуляка, и постник равны перед богом.

Лучше в добрых делах ты найди тарикат” , в этих словах выражено поэтическое кредо Хафиза. Харабат (харчевня) служит для него преддверием рая, потому что в ней он находит больше правды, чем в обычной реальности. Его слова на фарси:

“Бош фориг зи ғами дўзаху шодии бихишт” . в переводе на русский: «Оставь ты о рае и аде пустые задачи» , говорят о том, что эти и им подобные рассуждения, носившие уморительный характер для него были чужды, поэт предпочитал практику жизни.

Качества, которые сделали Хафиза непревзойденным восточным поэтом – это сильное философское мышление, реализм, непревзойденное, глубокое и всестороннее владение языком. Поэтому он в поэтической форме, красивым стилем излагает нерасшифруемые вещи. Лиричность Хафиза до сих пор остается вершиной иранской поэзии, тем более, что она обильно сдобрена философией и теологией, а также этикой и эстетикой. То, что Хафиз не раскрыт до конца до сих пор, видно по многим оригиналам его газелей, когда убеждаешься, что немалая часть его переводов хромает.

Перейдем к характеристике поэтических антиномий Хафиза Ширази. Большое словесное мастерство, удачный стиль и лирика делали внешнюю форму произведений Хафиза спроецированной на многозначное содержание, когда в его поэзии богатая форма действительно выражала многоаспектность содержания. Один из таких элементов – поэтические противопоставления.

Антиномии представляют собой противоположности, о которых чаще говорят применительно к логике. Что касается поэзии, то о них было бы более уместным писать, например, применительно к Данте. Однако и у Хафиза они не только присутствуют, но и представляют собой глубинное понимание сути, доступное только пытливому читателю. Не зря Хафиз говорит, что тот мудр, кто понимает язык иносказаний .

Контраст является частым компонентом поэзии Хафиза:

«Что в красоте моей любимой понять сердцам враждебным?

Где солнца блеск неугасимый? – светильник скудный где?». Для читателя привлекательно то, что красоте любимой противостоят враждебные сердца, солнцу – тусклый свет светильника. Характер Хафиза как личности виден и из его следующего бейта:

«Не поймаете силками птицу мудрую, ловцы,

А поймаете улыбкой, если только вы добры» . Птица – символ души, силой или обманом душу не взять, только добром и любовью. Антиномически представлены и пригожесть его возлюбленной, ее описание:

«Бессильный бедный мой язык и бедное мое перо;

Ведь смертному не описать неописуемых красот» .

Личностное кредо Хафиза представлено в виде следующей поэтической антиномии:

«Но ты не думай про меня, что я такой пропойца:

Одежда – в пятнах, но душа – сверкает чистотою!» . Словом, из многих его газелей можно сделать вывод о том, что ему как поэту символически присущи безвинность и греховность одновременно.

Точно также высоко оценивает он поэзию как возможность безопасно выразить свое мнение относительно общественных проблем:

«К этой двери искать не чины и почет я пришел, -

Чтоб убежище здесь мне найти от невзгод, я пришел» . Хафиз часто становится свидетелем столкновений его современников вокруг тех или иных проблем бытия и общества и наивно-умудренно отправляет их к Богу:

«Тот – глупца изображает, этот – ум свой превозносит...

Ну их к Богу! Пусть решает: кто мудрец, - кто бестолковый» . Разумеется, он и сам мог дать оценку поступкам своих современников, но вопрос был в том, как они поймут его откровения.

Одной из наиболее важных антиномий его творчества является идея о том, что сильнее и важнее для человека, чувства или разум. Он решал этот неразрешимый вопрос следующим образом:

«Разумный не отдаст себя во власть любви.

Желаешь быть любим – скажи рассудку «нет!» . По мнению поэта, в вопросах любви нельзя полагаться только на разум, здесь более важны чувства. Мы считаем, это неразрешимая проблема для человека.

Проникновение в мышление аудитории, влияние на него исподволь, отказ от показного, воспитание изнутри – важнейшее качество его поэзии:

«Склонюсь я пред величием тех, кто пьянствует и нищ,

Кому и тот, и этот мир – лишь два ничтожных слога» . Философское отношение Хафиза к раю доходит до того, что он вступает в заочный разговор с Богом, а точнее – ищет у него поддержки:

«Раз чаша винная кому от века суждена,

Не должно то зачесться в грех у райского порога?» .

Поэт считает, что следующий общеизвестный факт разрушает привычные представления о рае: Адам и Ева были изгнаны из рая за любовь. Так что же это, по Хафизу, за рай, если в нем запрещен главный рай на земле – любовь?! Как поэт-гуманист, он не может быть безразличен к этому:

«Не один с порога дома благочестия я пал,

И Адам не добыл рая на земном своем веку» . Данное положение было и остается одной из главных антиномий человека за все время его существования.

Таким образом, в форме поэтических антиномий Хафиз пытается представить в эстетической форме трудноразрешимые вопросы, всегда волновавшие человечество. Он противопоставляет друг другу сложные, извечные категории, которые нельзя решить при помощи здравого смысла. Это логический капкан не только для тех, кто обладает чрезмерным разумом, но и для тех, кто слаб душой. Антиномии Хафиза нельзя рассчитать при помощи логики, их надо решать чувствами, т.е. воспринимать сердцем. Великая тройка синонимов Хафиза: любовь – вино – истина. Это – треугольник, в пределах которого он творил, а точнее – три пересекающихся концентрических круга, в которых и проявляется вся философия, энергия и стремление к совершенству поэта. В любовь включались Бог и возлюбленная, в вино – свобода мышления и слова, в истину – поиск смысла жизни и достоинство ее цели. Для него это были очень близкие, более того, совпадающие между собой понятия.

Можно даже сказать, что вино и любовь стали для него ориентирами на пути в рай. Принцип Хафиза как поэта – любовь к истине и к возлюбленной, т.е. то, что делает душу человека возвышенной. В то же время из его взглядов следует, что нельзя жить только вином и любовью, для настоящего человека всегда был более важным поиск истины.

По данной схеме, составленной нами, видно, что Бог для Хафиза составляет сердцевину всех трех понятий:

1) Бог есть Истина, а Истина есть Бог;

2) Вино, ведущее к открытию или откровенности, может вести к открытию Богу в душе;

3) Любовь есть Бог для человека, в Боге заключается истинная любовь.

Образ вина занимает особое место не только в поэзии Хафиза Ширази, но и в творчестве других авторов. Для классиков восточной поэзии спиртное, в общем то характерное для всех народов всех стран во все времена – это ширма, а вино, фактически, путь к истине, оно делает людей более честными, близкими друг другу. С его помощью люди становятся более правдивыми и демократичными. Т.о. вино понимается Хафизом Ширази как проекция истинности:

«Иди к нам, строгий суфий! Бокалы не пусты.

Вино, коль приглядеться, - зеркало чистоты» .

Поэт подразумевает, что выпившие люди более открыты, они проще обмениваются мнениями и лучше изучают истину. Реальность жизни постигают те, кто ищет и познает ее, а не те, кто поклоняется догмам:

«Спроси у пьяных риндов о тайнах бытия:

Вовек их не узнает тот, кто блюдет посты». Ринды свободны в своем поиске, не стеснены религиозными рамками. Они тоже верующие, но свободные в выборе приоритетов. Так что разделение шло и внутри суфиев на благопристойно верующих и на ищущих верующих.

Приведем пример сочетания божественного и земного в одном бейте:

«Лик твой – спутник мой в скитаньях, а дороги далеки

К локонам твоим привязан я рассудку вопреки» . Верующие того времени считали, что все дороги ведут к Богу, тогда как локоны у Хафиза Ширази являются воплощением земной любви.

Активно используя иносказания, Хафиз передает умозрение жизни, свои представления об истине, которую человек по сути не в состоянии ни понять, ни знать, ни признать:

«Трезвым на земном пути не бывал Хафиз:

У него душа вином вечности пьяна!»

В данном контексте быть трезвым означает быть беспечным, проявляющим предосторожности жизни, не ищущим истины, обладающим рациональным умом, а вино вечности и есть извечный поиск истины.

“Шароби талх мемохам, ки мардафган бувад зўраш,

Ки то як дам биосоям зи дунёву шару шураш”

Или

“Шаробу хирка на оини мазхаб аст”

“Вино и одеяние суфиев не есть учения свет”

Большую роль в поэзии Хафиза играли ринды, постоянные посетители трактиров. Он считал, что они, вдохновленные свыше, нашли утешенье в вине, что пьянство учит ринда, в т.ч. дружбе и познанию истины:

«Ҳофиз, чӣ шуд, ар ошиқу ринд асту назарбоз,

Бас таври ачаб лозими айёми шабоб»

«Путь к тайному кладу (т.е. к истине – Т.М.) открытый для ринда,

Не многим из смертных открыт до конца» . Питье вина, как метод достижения истины, Хафиз воспринимал как защиту от невзгод на пути поиска правды. Он, как и другие восточные поэты, возвел этот метод в абсолют, интерпретируя его в самых различных вариантах. Честное сердце и чистое вино есть дары Бога, способствующие поиску истины:

«Два бесценных подарка судьбою даны человеку:

В сердце – пылкая кровь, в чаше – алая кровь винограда» . Вино служило универсальной отмычкой для всего и вся, и, что очень важно, в силу своей уникальности, оно не могло быть преследуемо, т.к. ему были подвержены все, от государя до раба. Оно было единой универсальной развлекательной платформой, которой охотно пользовались все, которая всех равняла и объединяла. Здесь люди говорили правду, в т.ч. нелицеприятную, но преследований не было, т.к. вино было всеобщим примирителем.

Часто встречающееся в восточной поэзии и эстетике определение «истина в вине» надо понимать правильно. Вино в данной интерпретации является синонимом правды, открытости и честности. А как было иначе поэтам искать и утверждать истину во времена средневекового ислама, когда были очень сильны религиозные законы и правила.

«Все, что строил человек, рассыпалось в прах

Лишь любовь стоит вовек, прочно, как стена» ,– так мог сказать только такой большой почитатель эстетической ценности человечества, как Хафиз, что и было его великой гуманистической концепцией и программой. То, что Хафиз не всегда считается с благами категории Рая, видно из многих его бейтов. Он предпочитает практику жизни, в которой пребывает во всякий конкретный момент:

«Виночерпий, мне чарку налей! Ибо нет среди райских полей

Цветников Мосаллы, нет в раю берегов Рокнабада» . Этим он отличается от Данте, который с большим пиететом относится к раю.

Хотя Хафиз часто говорит о красавицах, любви и вине, тем не менее, судя по его стихам, ловелласом он не был:

«И к райским утехам, и к гурий устам не прильнет,

Кто дерзким был вором любви моей верной удачи» .

В нижеследующих словах винная чаша есть для Хафиза синоним правды и искренности:

«Коль чаша – веха по дороге к раю,

Не надо мне иных небесных вех» . Как видно,

поэту не нужны были ложные дороги жизни, которые обещались народу религиозными деятелями.

Поэт часто писал о том, что путь в рай лежит через харчевню:

«Хочешь в рай попасть – спускайся в погребок со мною вместе.

Чтобы в край подняться райский – бочка служит нам основой» .В харчевне человек искренен, предоставлен самому себе и менее всего причиняет вред другим людям.

Обращаясь к старцу харабата, которого поэт иногда возвышал до статуса Бога, Хафиз говорит:

«Мне все равно: пусть не пускают в рай грешников – неси вино!

Ничьими милостями в мире я не был так, как Им согрет!» . Для того, чтобы вести себя так в условиях средневекового Ирана, требовалось большое гражданское мужество, которое было не чуждо поэту.

Вино было и тем, что поэтически объединяло Хафиза с легендарными личностями – Сулейманом, Искандером, Дарием, Джамшидом и др:

«Искандерово зеркало – винная чаша. Взгляни:

Царство Дария в ней ты увидишь, подвыпив слегка» .

Вино служило для поэта как символом величия, так и фактором демократии.

Неизвестно, как в реальности относился к вину Хафиз. Скорее всего, он вовсе не был таким пропойцей, каким себя изображает. Согласно поэтической программе тех времен, вино – это культ, мягкое противостояние религиозным деятелям и властям. Вино у Хафиза равно живой воде, а образ такой воды обычно означает сокровенные знания и чувства. Оно – эликсир правды, это напиток, который помогает сказать истину, раскрыть ее. Таким образом, это была очень серьезная и важная поэтическая категория, которая хорошо представлена в творчестве Хафиза. Земная жизнь – тщета, суета, если очень коротко – то ад. Выход из этого ада – в поиске истины. А истина в вине. Виночерпий, т.е. часто сам Бог, который избавляет от тревог, ведет через опьянение к истине, он и есть избавитель от ада. О виночерпии как спасителе у Хафиза сказано так много, что это требует самостоятельного исследования.

Завершим рассмотрение рассуждений Хафиза о вине его следующим характерным признанием:

«Ты пить не мешай мне, о суфий – на чистом вине

Месил меня Бог, и властью вина я охвачен».

Использованная литература:

1. Маънавият. Асосий тушунчалар изоҳли лугати. Қайта ишланган янги нашр. Нашрга тайёрлаганлар: Қ. Назаров (тузувчи ва масъул муҳаррир) ва бошқ. – Т.: Ғафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2013;
2. Арабская поэзия средних веков / Библиотека всемирной литературы: 20 т. -М., 1975;
3. Брагинский И. С. 12 миниатюр: от Рудаки до Джами. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1976;
4. Хадисы / Ибрагим Т. К.— М. : Большая российская энциклопедия, 2017;
5. Хафиз. Сто семнадцать газелей. М.: Главная редакция восточной литературы. 1981;
6. Хафиз Шерози. Перевод Плисецкого. Избранные газели. Сост. Ш.Мухтор и М.Диловар. Душанбе, Ирфон, 1993.

